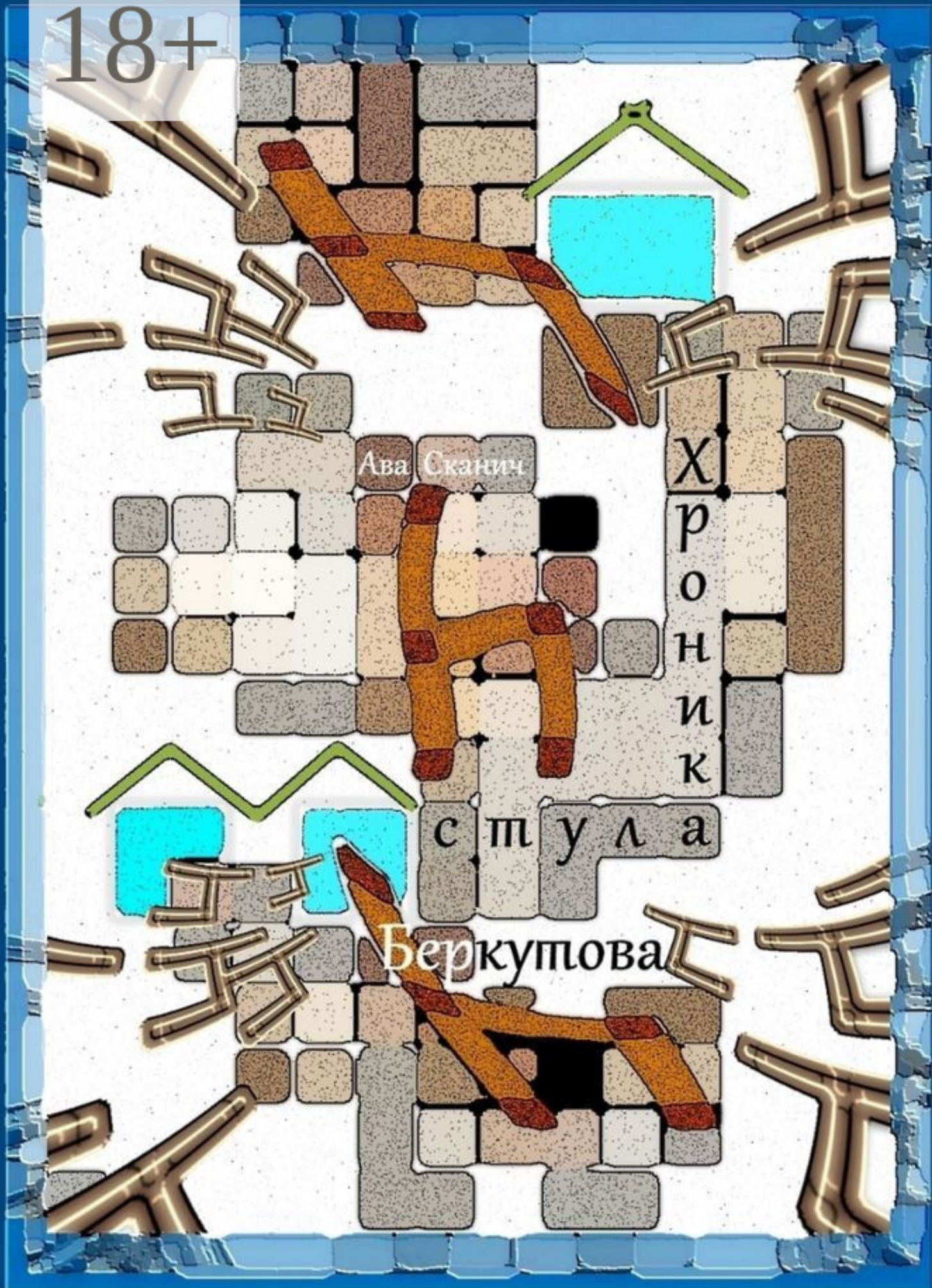

18+

Ава Сканич

Хроника стула Беркутова

«Издательские решения»

Сканич А.

Хроника стула Беркутова / А. Сканич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989732-9

Уникальной особенностью Беркутова был стул; не тот, на котором восседает тело, а имеющий медицинско-физиологический смысл. Как уж ему так повезло, никто в итоге не дознался, но Беркутов какал, пардон, нефтью. Нельзя сказать, что он ещё и пукал природным газом, а писал скипидаром, это домыслы. Хроника стула Беркутова начата во времена грязных марлевых подгузников, охватывает развал семьи, бегство, потайную жизнь. Однако же Беркутов выжил, освоил оседлый образ жизни и занимается любимым делом.

ISBN 978-5-44-989732-9

© Сканич А.
© Издательские решения

Содержание

Ошибка реинкарнации	6
Семья	8
Позывы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Хроника стула Беркутова

Ава Сканич

© Ава Сканич, 2025

ISBN 978-5-4498-9732-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как водится: все события и персонажи вымышлены, любые совпадения с реальностью случайны.

Ошибка реинкарнации

Беркутов был бродячей змеей, по чьему-то недосмотру возродившейся в человеческом обличи.

Он обладал всеми характерными признаками – низким лбом, сдавленными висками, выдающимися скулами, идеальным прикусом, и общей неистребимой ядовитостью.

Тело взрослого Беркутова в итоге оказалось за кассой магазина.

Если б он, как и должно было случиться, родился змеей, то это была бы плюющаяся змея: ко всему прочему Беркутов был брезглив.

Он восседал на стуле, выпрямив спину, сияя здоровым цветом лица, и периодически протирали руки спиртовыми салфетками, – так, чтобы этого никто не видел.

Однако дезинфекция предназначалась исключительно для организма Беркутова, покупатели виделись ему неживыми манекенами.

Первое, что делал Беркутов, севши за кассу – ковырялся в носу. Потом он поправлял носки и отряхивал манжеты штанов. Потом грязными руками брался за чужие покупки. И так работал до первого кэша, – после выдачи сдачи он под кассой дезинфицировал руки, потом совершал тот же ритуал – ковырялся в носу, поправлял носки, отряхивал манжеты брюк, и брался за чужие покупки...

Кассир из Беркутова получился молчаливый и неторопливый. На вопросы он не отвечал, пользуясь тем, что имел внешность неаборигенскую, и делал вид, что плохо понимает русский язык. Единственное, что он произносил, улыбаясь в лицо оппоненту, и скользя по нему взглядом, было: «Ну вы не переживайте...».

Неторопливость его была взрощенной в тёмных извилинах ядовитого ума, – плавные тягучие движения, разглядывание каких-то таблиц с ценами, медленное сканирование штрих-кодов безумно раздражало покупателей.

Беркутов сканировал и покупателей тоже. Для тех, кто, стоя в очереди в его кассу, вдруг начинал за ним наблюдать, он приберегал сюрприз – когда любопытный уже смаковал надежду вырваться наконец на свободу, Беркутов со всей силы надавливал на панель весов, и кассу заклинивало.

Вызванный старший кассир разводил руками, и всей бывшей Беркутовской очереди приходилось поодиночке разбредаться по другим кассам.

Те, кто постоянно отоваривался в этом магазине, после первого неудачного опыта в очередь в кассу Беркутова не становились никогда.

Магазин был небольшим по московским меркам – всего на пять касс, из которых, как правило, две не работали.

Кассирши изнемогали от постоянного потока покупателей. Первые три года, с тех пор, как магазин обосновался в стилобатной части жилого дома, их наравне со всеми обдувал ледяной ветер из кондиционеров. Посетители почти бегом маршировали вдоль стеллажей, некоторые прикрывались ладонью, как от солнца: постояв лишнюю секунду под вымораживающим сквозняком, можно было заработать насморк, если не менингит. Даже в жаркую погоду в магазине не задерживались.

Последний год кондиционеры не работали вовсе. Кассирши были рады. А покупатели торопились вдоль полок теперь уже из-за духоты. Стоять в очереди, чтоб расплатиться, было невыносимо, лица краснели, люди кашляли, дети капризничали.

Когда уборщица протирала полы тряпкой, вымоченной в растворе хлорки, к общему составному аромату гниющих овощей-фруктов, жаренных окорочков, рыбы, стирального порошка добавлялся ещё едкий запах продезинфицированной грязи.

В общем, Беркутову было весело.

Было ещё два кассира, которые не пользовались успехом – толстая неряшливая тётя, которая обсчитывала всех, кто зазеваётся, и слишком общительная молоденькая кокетка.

Но это, в сущности, преамбула.

Уникальной особенностью Беркутова был стул. Не тот, на котором восседало его тело, а имеющий медицинско-физиологический смысл. Как уж ему так повезло, никто в итоге не дознался, но Беркутов какал, пардон, нефтью. Нет, я не скажу, что он ещё и пукал природным газом, а писал скипидаром, – это домыслы.

Семья

Первой недетский запах унюхала мама, меняя маленькому Беркутову подгузник. В подгузнике, сами понимаете, на глаз отличить естественный младенческий стул от нефти непросто.

Мама позвала папу. Папа-геолог обалдел, поняв, что его сынуля испражняется нефтью. Сначала мама с папой взялись собираться в больницу, но папа, поразмыслив, вовремя остановил взволнованную растрёпанную супругу:

– Нельзя этого делать, – веско сказал он.

Мама клохтала и квохтала, а папа обнимал её и нежно целовал в щёки.

Когда она успокоилась, папа сказал:

– Ты понимаешь, что если Вадьку заберут в больницу, мы его больше не увидим?

– Почему? – взвилась мама.

Папа опять обнял маму и сказал ей на ушко:

– Ты знаешь, что такое нефть? Нефть – это стратегическое сырьё. Представь, привозят младенца, который какает нефтью! Сначала его будут пичкать чем ни попадя, чтобы понять, как так получается, потом буду пичкать чем ни попадя, чтоб понять, как увеличить количество экскрементов, потом будут исследовать его родословную и места обитания предков, потом заберут и нас с тобой, и деда с бабкой, и будут изучать всех разом, чтоб определить, какая хрень отвечает за состав какашек...

Мама слушала и дрожала.

– Что же делать, – шёпотом спросила она.

– Ничего, – сказал папа. – Сынок здоровенький, румяный, кушает хорошо, всё с ним в порядке... Самое главное – чтоб никто ничего не узнал. Ты поняла?

Мама кивнула.

– Я потихоньку сделаю анализ в нашей лаборатории, – может, это и не нефть вовсе, а что-то похожее по составу, – мало ли что там намешают в детское питание, – говорил папа, увязывая грязный марлевый подгузник в газету.

Мама всё кивала, кивала, с ужасом вглядываясь в румяную мордочку сына. Перспектива закончить жизнь подопытным кроликом её испугала больше, чем нефтяные запасы сыновьего организма.

Папа собрался и ушёл. Навсегда.

Через неделю мама, понаблюдав два дня подряд новых соседей, поселившихся в доме напротив, с отчаянья в одночасье став умнее Штирлица, в один день сумела раздобыть наличные, вписав соседа-бандита в домовую книгу и вручив ему все документы на дом и земельный надел, и пешком ушла с младенцем в ночь.

Несмотря на все возможные принятые меры, их не нашли.

Беркутов с мамой в итоге оказались в Москве. Стоит ли говорить, что Беркутовы – это не родовая фамилия, а доставшаяся им путём маминых махинаций, причём уже пятая по счёту.

Мама после всех перипетий через 30 лет немного успокоилась, хотя навеки приобрела жёсткий пронизывающий взгляд, от которого любому становилось не по себе. Приходилось носить очки с затемнёнными стеклами, – ну не может обычная простая женщина обладать взором Чингисхана.

Всё было бы неплохо, но нацеленная на сохранение свободы мама оригинальным образом заботилась о нравственном воспитании сына, потому он в итоге оказался хамом. Приучив себя с детства к обереганию собственной безопасности, Беркутов совсем не думал о том, что

является частью человечества. Люди были для него отвлечённым понятием, – просто движущиеся предметы, более ничего. Некоторые были опасны, а большинство – просто никакие.

Войдя в сознательный возраст, лет в 10 Беркутов, то есть тогда ещё не Беркутов, но фамилию называть не буду, стал вести дневник, но не обыденные записи, а – лабораторный, ибо Беркутов ставил сам над собой опыты.

Там были заметки такого рода: «Сегодня съел головку чеснока. Какашки прозрачные и пахнут бензином. Мама меня отругала... Если поесть шей, а потом выпить молока, какашки становятся как масло, и не горят... Сегодня Лена подсмотрела, как я измазал какашками велик дяди Вовы и кинул спичку. Велик горел с таким чёрным дымом!... Мы живём теперь в деревне. Здесь скучно. Картошка надоела. Мама заставляет поливать огород. Не хочу здесь жить!».

Да, Беркутову приходилось непросто. Ещё хуже было его маме, которой приходилось хватать его в охапку и бежать куда глаза глядят, когда сынуля нарушал конспирацию.

Позывы

В отроческом возрасте Беркутов развлекался подсчётами: – «В стране живёт 147 миллионов человек, это по 1 литру в день, в барреле 158,988 литров, это получается 923 баррелей в сутки... Мало... Расчётных запасов нефти у нас на 35 лет. Если 923 умножить на 35 и на 365, получим 11 миллиардов 796 миллионов баррелей, то есть за 35 лет мы все можем накопить всего лишь годовой объём добычи... И чего мать суетится, – никому я не нужен, скоко я там насру этой нефти, смешно, даже если всех сделать такими, всё равно не хватит на продажу. Вот если для самообеспечения... Интересно, а есть ещё такие, как я?».

Мама Беркутова однажды жёстко объяснила сыну, что его феномен ценен не объёмами добычи, но является объектом коммерческой государственной тайны, а это покруче тайны военной, а потому если он не хочет всю жизнь просидеть в клетке, пусть заткнётся и не ноет.

– Мам, – сказал глупый Беркутов, но это же хорошо будет, если все у нас будут нефть производить!.. А интересно, если у меня будут дети, они тоже нефтью будут какать?..

Мама содрогнулась: – Какие дети!

Хорошенько подумав, мама вплотную занялась превращением сына в записного эгоиста, которому собственная задница будет дороже всего на свете, и надо признать, со своей задачей справилась на отлично.

Беркутова больше не заботили ни эксперименты, ни расчёты, заматерев, он сохранил только любовь к матери, и то потому, что понимал теперь, насмотревшись фильмов и начитавшись полуфантастических ужасиков и жёлтой периодики, что без неё он бы не выжил, а если бы выжил, то это была бы уже не жизнь.

И так, культивируя природную ядовитость и пронируемость, Беркутов комфортно существовал в ипостаси кассира, проводя эксперименты уже над окружающими, а не над собой.

По выходным Беркутов с матерью выезжали на природу, и долго ходили по лесу, то собирая грибы, то просто валяясь на расстеленных в траве пледах, наблюдая облака и слушая птиц. Это было необходимое действие, отдушина в жёстких рамках самоконтроля и конспирации.

С транспортом у Беркутова проблем не было, он ещё в детстве выяснил, что, наевшись чеснока, может производить бензин, а потому его машинка всегда была заправлена высококлассным топливом, и практически бесплатно, если не считать издержек на сырьё. Любопытно, что специфический чесночный «выхлоп» изо рта Беркутова не мучил, пахло от него, скорее, свечкой, слабо и завлекательно.

Жизнь текла мирно и спокойно, но мама на людях очков не снимала.

Однажды в ночную смену Беркутов, протирая руки дезинфицирующей салфеткой, загляделся на девушку в очереди. Она наблюдала за его манипуляциями, брезгливо скривив ротик.

Беркутов впервые застеснялся сморкаться. Он даже ускорил темп работы, но не настолько, чтобы потерять самоуважение.

Засуетился, в общем, Беркутов.

Когда девушка оказалась перед ним, он чистыми руками принял наличные, отсчитал сдачу, и высыпал мелочь в подставленную ладошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.